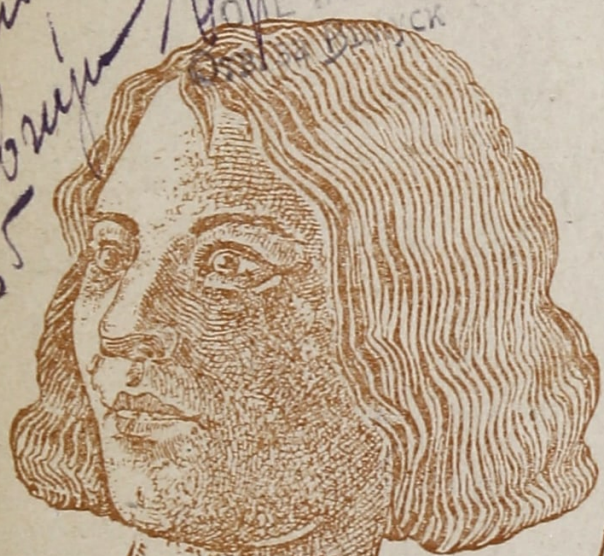

W 6959

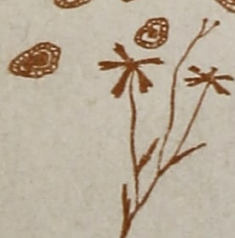
*Иван
помощник
Убри*

Мих. Убри

Читанский
ПЕЧАТНИК

Десять

Рассказ о столкновении старых и
новых отношений в колхозной семье.

МИХ. ШОШИН

Число к Выпуску
ОПЕЧАТОК НЕТ
Отв. за Выпуск

Ж Е Н А

РАССКАЗ

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

УДЕЛ КРЯЕВОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИВАНОВСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ОБЛАСТИ
МОСКВА 1958 1935 ИВАНОВО

1941

1958

1935

94

270

20/7/52
Тени от деревьев вытягиваются, заостряются.

Колхозники, свободные от работы, идут домой. Завтра рано вставать на покос. Вozy сухого сена тихо двигаются с полей к сараям. На лугу растут стога. Запах свежего сена заглушил все запахи полей и огородов...

Трофим Капустин ищет свою жену уже с полчасца. Ее нигде нет. В глазах его тревога и злость. Инспектор по качеству седабородый Сосипатр Улькин у стены кузницы отбивает косы. Частые пронзительные звуки ударов молотка о сталь режут на лоскутки тишину.

— Не проходила тут моя жена? — спрашивает Трофим, стараясь быть внешне спокойным и беспечным.

Улькин опускает руку с молотком, разгибает спину и отвечает неспешно и обстоятельно, как всегда:

— Тому минуло, так думаю, с полчасца, — пробежала она в правление.

В правлении никого не было, кроме юного 2 счетовода. Высокий черный Трофим встал

у стола. Паренек, развалившись на стуле, смотрел на него, как на колокольню, высоко задрав голову.

Трофиму казалось, что счетовод заметил его беспокойство и внутренне смеется над ним.

— Моя жена была здесь?—спросил Трофим оглушительным голосом.

— Да.

— Не знаешь, куда она пошла отсюда?

— Она ушла с председателем в поле.

Трофим вздрогнул, помрачнел и в растерянности задал вопрос, выдав себя:

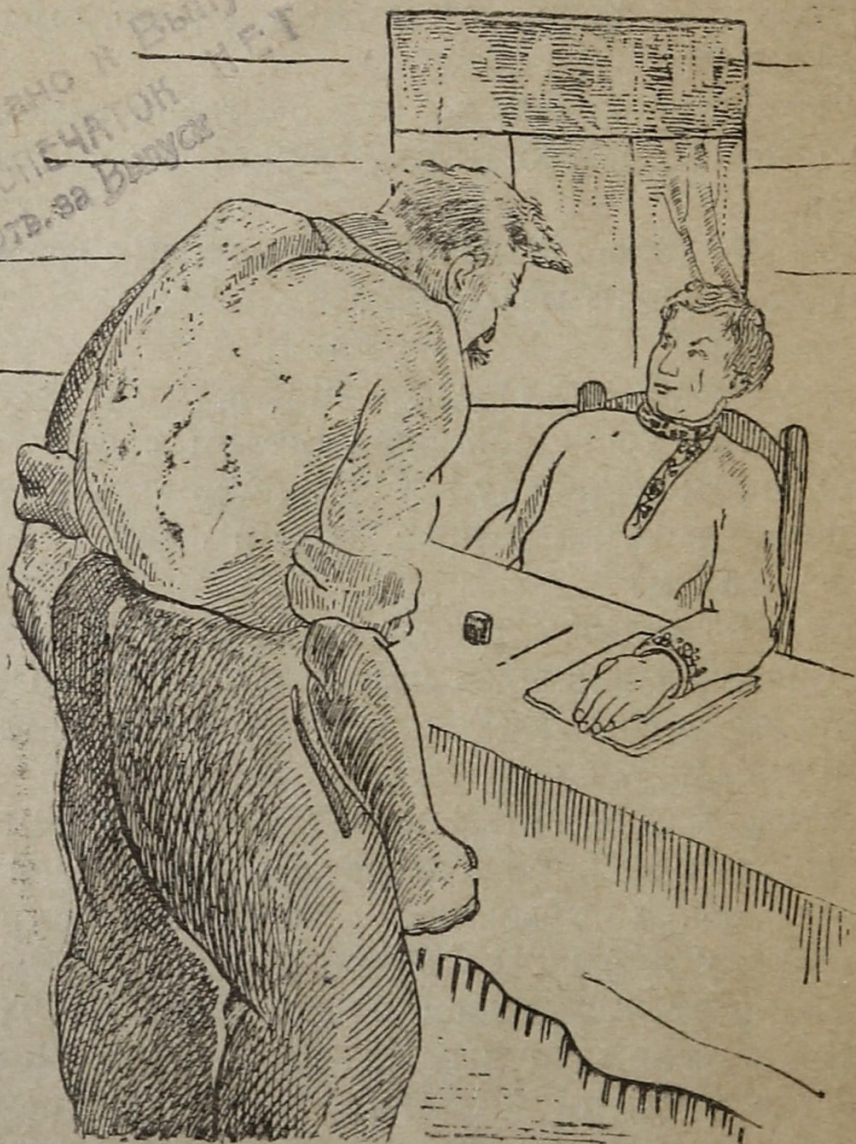
— Зачем?

— Поглядеть, высока ли в поле рожь.

Счетовод засмеялся. Ему вдруг стало весело от того, что так неожиданно и кстати вспомнились слова старой песни.

Трофим понял эти слова как прямой намек. Весь в испарине он грузно спустился с лестницы. У крыльца торопливо закурил папиросу и сжег ее в две затяжки.

„Увидят — смеяться будут, скажут: Трофим за женой следит. Нехорошо“, — удерживал он себя, но вопреки этому внутреннему голосу очутился в поле. Часто останавливаясь, он, и без того высокий, приподнимался на носки и оглядывал поля. Не видно. Нет 3

—Моя жена была здесь?

их. Это еще больше усилило его подозрения. Скрылись. Трофим был старше своей жены на семь лет и давно подозревал ее в измене.

Прошлой осенью случилось так: Катерина Капустина, бригадир Поленов и доярка Нарышкина должны были ехать на слет знатных людей района. Нарышкина перед самым днем отъезда заболела и слегла. Предстояло Катерине с бригадиром Поленовым ехать вдвоем. Трофим Капустин устроил дома скандал, требовал, чтобы жена осталась дома. Он довел ее до слез, Катерина не спала всю ночь. Все-таки она не послушалась мужа, утром уехала. Эти два дня, пока жена была на слете, Трофим не знал куда девать себя. Встретил ее укорами и бранью, а потом всю зиму донимал оскорбительными расспросами и придирадками.

Чуть что осердится на жену, сядет в передний угол, посмотрит в окно и заведет:

— Снежку подсыпало... Дорога теперь хороша... Эх, по этой дорожке тебе бы с Поленовым прокатиться... Хочется, поди... А?

Катерина возмутится, а он еще больше начнет язвить.

Иногда на собраниях, на спектаклях рядом с Катериной садились мужчины, непринужденно говорили с ней, шутили,

Трофим в эти моменты ощущал жар в теле, ерзал, бросал на нее угрожающие взгляды, но жена как бы не замечала этого. Он видел ее с бригадиром Сучковым. Они стояли у конного двора. Катерина держалась с ним вольно, оживленно разговаривая и щедро улыбаясь. Видел он ее также разговаривающей и улыбающейся с трактористом Чарушиным, пастухом Евдокимовым. Все это на его взгляд было еще терпимо, но сегодняшний поступок переполнил чашу его терпения.

Эта русоволосая, ладная, крепкая женщина с высокой грудью и маленькой, гордо посаженной головой любила жизнь, любила людей. Ей было присуще чувство дружбы, от нее исходило какое-то тепло, она быстро сближалась и имела много друзей. Она всегда была бодро настроена, жизнерадостна, стремительна в движениях. Ее василькового цвета глаза блестели, вечно радуясь и любопытствуя.

Эти достоинства жены для Трофима были только источником вечных тревог. Замкнутый, подозрительный и вечно пасмурный он не понимал характера жены; в близости, в ее дружбе к людям видел легкомысленность и считал ее распутной.

6 Увидев ее с кем-нибудь из мужчин долго

разговаривающей и смеющейся, он в яростной злобе не находил себе места. В такие минуты он уходил на реку к старику-отцу, словно искал у него защиты и облегчения.

И на этот раз, после безрезультатных поисков, он повернул к реке.

Старик Федор Капустин сторожил снасти рыболовецкой артели и ловил рыбу. Он знал причины этих посещений сына, пристально глядел на него и, вздыхая, качал головой:

— Отцово счастье.

Трофим знал, на какое „счастье“ намекает отец.

Старик живет одиноким.

Это было лет тридцать пять тому назад. Федору Капустину кто-то сказал, что его жена „слюбилась“ с пастухом. Муж „поучил ее“. Жена стерпела и покорилась. Жизнь пошла прежним порядком; пастуха давным-давно не было, — он сам, боясь тяжелой руки Федора, в то же лето взял расчет и ушел; в деревне все забыли уже об этом, не забыл только Федор. Он не мог простить, всячески дожимал жену; женщина высохла, опустилась, оступела. Но это было еще не все.

Через полтора десятка лет после этой истории, в первые годы советской власти, когда ему было уже за пятьдесят лет, он

развелся с женой. С тех пор старуха живет у дочери. Живется ей неплохо, она довольна и дочерью и зятем, но ей не дает покоя мысль о старике. Его необшита, необмытая, неуспокоенная, одинокая старость терзает ее, как бесконечная месть. Она и людей просила посоветовать и сама несколько раз предлагала ему скоротать вместе остаток жизни, но старик отмахивался:

— Отступись... Делать-то тебе нечего, вот и придумываешь.

У шалаша валяется вязанка хвороста. Дед Федор, стоя на коленях, рубит на чурбаке хворост, собирается варить пшеничную похлебку со свежей рыбой. Все лето он живет в шалаше, на зиму перебирается в старую пустую избу, где взрастил семью.

Принимаясь чистить рыбу, он взглядывает на сына, оцепенело развалившегося на лужайке, и говорит скорбно и расстановисто:

— Мы, Капустины, на баб незадачливые.

И вдруг кричит громко и строго и в его голосе чувствуется страдание:

— Сколько раз я тебе говорил, Трошка, разведись ты с ней. Глядеть на тебя

Катерина заходила к председателю потолковать о серпах. Лучшая рожь на одном из участков ее бригады не выстояла, полегла после вчерашнего ливня. Придется жать этот участок руками. Председатель заподозрил бригадира в противомашинных настроениях:

— А жнейки у нас будут стоять?! С уборкой мы провозимся нивесть сколько времени.

Чтобы не пререкаться попусту, Катерина предложила пойти посмотреть участок. Председатель согласился. Они пошли, поглядели: недавно стоявшая нерушимой стеной жирная, высокая рожь лежала белесо-сизым ковром. Да, жнейкой ее не возьмешь. Жнейка искромсает ее, потеряешь половину громадного урожая с этого участка. Надо готовить серпы. Они осмотрели другие участки бригады Капустиной, вернулись и у дома правления разошлись в разные стороны.

Катерина зашла в ясли проведать своего ребенка. Ясли работали круглые сутки, ребят отдавали домой только один раз в неделю.

Она встала на чурбак у открытого окна, как это делали все матери. Ребята сидели за низенькими столами, ужинали.

Читано и Выпуску
опечатано
нет

— Да, жнейкой ее не возьмешь.

— Вовка! — крикнула она своему двухлетнему малышу, — а!е!

Малыш посмотрел на нее, засмеялся, стукнул ложкой о край стола и принялся опять за еду. Катерине на минуту стало обидно от того, что ребенок даже не потянулся к ней, но она тут же спохватилась и сказала себе, что это очень хорошо, — ребенок, значит, чувствует себя прекрасно и день его заполнен так, что он не ощущает потребности быть с матерью. По пути домой она несколько раз останавливалась, говорила с бригадниками о том, сколько завтра будет скошено, высушено и убрано сена. Дома она поставила самовар, прибралась в избе. Муж все еще не приходил.

Без хозяина не чаепитие. Она пошла кликнуть его домой. В деревне его не было. Девушки, возвращавшиеся с купанья, сказали, что он сидит на реке. Не доходя до реки, она крикнула с угора:

— Э-эй! — И поманила рукой: — Чай пить! Трофим только глянул в ее сторону и опять улегся. Катерине показалось, что он не узнал ее. Она набирает полную грудь воздуха и, напрягаясь, кричит громко и протяжно:

— Тро-о-ша, чай пи-и-ть!..

Ее сильный грудной голос разносится по реке, как запев. Середина реки чуть-чуть курится вечеровым туманом. И с той и с другой стороны доносятся крики и визги купающихся, и всплески воды, и отфыркивание любителей нырнуть в глубину. Хорошо бы теперь, ах, хорошо бы сорвать с себя одежду и бухнуться в прохладные воды реки, но где тут... Муж насупится и заворчит:

— Что ты, девчонка что ли!.. Или хочется тебе показать свою наготу?!

Ох, тяжелый человек! Ему кажется, что на нее наглядятся мужчины и будут желать ее.

Но хорошо бы выкупаться. Тело станет свежим, легким, неощутимым.

Усилием воли она подавляет в себе это желание, не хочет вздорить. Сколько раз он скандалил из-за таких пустяков.

Дед Федор прикрикнул на Трофима, но что он сказал ему, Катерина не расслышала.

Трофим поднялся и пошел вверх по тропе. Она подождала его немного, чтоб он легко мог настигнуть ее, повернулась и, отдыхая всем телом, тихо пошла к дому. Трофим не догонял, он шел за женой, не отрывая глаз от ее фигуры. Катерина, загорелая, тугая, идет, склонив голову. Ее сильная, красивая

шея надружена, уши выбиваются из-под волос. Уши у нее цвета нежной поджаренной корочки. Трофим дышит широко раздутыми ноздрями. Кровь бросается ему в голову. Он идет, оступаясь. Ее ласкал сегодня другой. Он в этом уже больше не сомневается; она идет такая усталая и успокоенная. Все ясно. Теперь она чужая. Она больше не принадлежит ему. Сердце, мысли и тело она отдала другому. Он развитей Трофима, он учит ее как быть самым передовым бригадиром, она идет и думает о нем. Она сейчас конечно вспоминает то, что было сегодня в поле!

На улице, догнав ее, Трофим идет рядом. Сердце его будто перевернулось, он не может взять себя в руки и дышит тяжело, но Катерина не замечает этого. Она мысленно ругает себя за то, что отказала себе в удовольствии выкупаться. В конце-концов это малодушие. Колхозница, да еще не рядовая, а бригадир, стыдно сказать, боится мужа, опасается его сумасбродных подозрений. Надо не отступать перед ним, а добиваться того, чтобы он переменился, стал человеком доверчивым и общительным.

Дома она быстро собрала на стол и заговорила ласково:

— Ну, за стол... Выпить чаю и спать, спать, спать... Я спать хочу. Завтра покос. В моей бригаде уборка сена с шести га... День бы такой жаркий, без единой тучки, чтобы сено кудрявилось. Понимаешь, после вчерашнего ливня у меня рожь на одном участке полегла. Гляжу — рожь лежит, как постель. Готовь, говорю, председатель, серпы. Жнейка этот участок не возьмет.

„Ох, лукавая, хитрая баба, — думал Трофим, — заметила, что я все уже знаю, и вот теперь замечает следы, умасливает... Но меня не проведешь“.

— Он на меня: не может быть... ты против машин. Взбрело ему такое в голову. Вот чудак. Идем, говорю, погляди.

„И как ведь складно все уложит — не подкопаешься, — удивлялся Трофим, — правда, да и только. Вот и всегда так. Заметишь ее, припрешь к стене, — вывернется, заговорит, умаслит. Но сегодня не вывернешься“.

— Пошли, поглядели... Да, рожь жирна, нежна... Не выстояла. Придется на этом участке руками. Жнейка тут только набедокурит. Да что ты не садишься?!

— Не хочу я твоего чаю! — зло, оглуши-
14 гельно брякнул Трофим.

Катерина опешила:

— Что же?

— Поди, зови своего дружка! С ним в аптеку попьешь.

— Какого дружка? — испуганно и глухо проговорила Катерина.

— Правда, у тебя их много. Ну, хоть бы того, с кем сегодня в поле...

Катерина вскочила. Она была вне себя, гнев славил ей дыхание. Вот он всегда так. Придумает чорт знает что и плетет такое, что, слушая его, теряешь рассудок.

— Идиот, — подступив к нему, крикнула Катерина, — с ума сошел. Я же тебе сейчас сказала, зачем мы ходили.

— Так вот я твоим словам и поверил. Ты наговоришь, — только уши развешивай. Городских слов набралась. Идиот... Меня этим не сомнешь. Я тебе скажу по-деревенски...

Бранные слова посыпались на нее одно хуже другого.

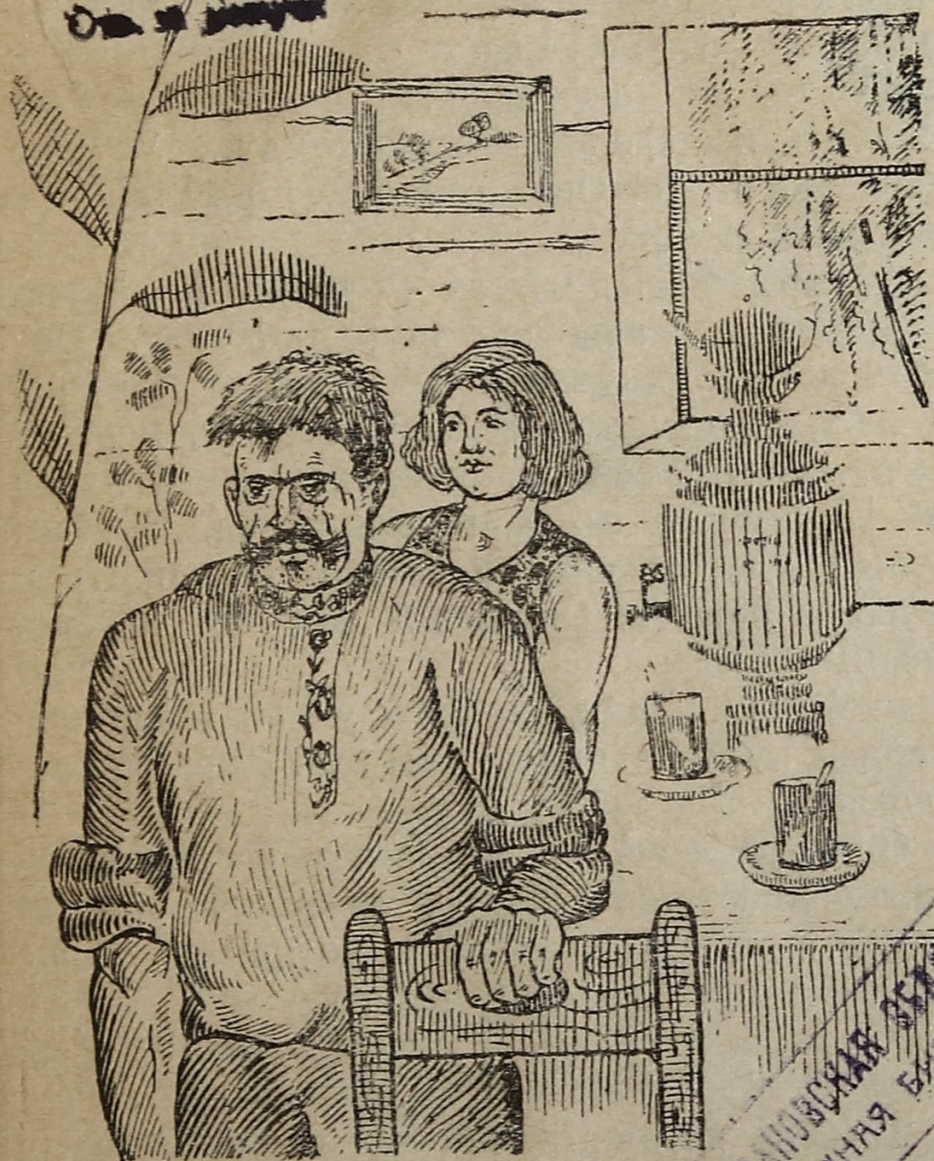
Из глаз Катерины покатались слезы. — Это же мука. За что?.. Лицо ее пылает краской чрезмерной обиды и возмущения, руки дрожат, она комкает на себе подол кофточки... Трофим повышает и повышает голос. Он давно знал, что она негодяйка, 15

распутница, расплывается в улыбках перед каждым мужиком, но терпел. Указывал, но сносил, терпел, прощал. Сегодняшний же поступок он не в силах перенести. Довольно ему позориться. Он больше не может жить с такой женой. Развестись. И делу конец!

— Все?—срывающимся голосом спрашивает Катерина, выслушав его до конца,—давай разведемся, раз тебе все чаще и чаще дурь лезет в голову. Надоело. Измучилась я. Дошла до того, что боюсь пот смыть, выкупаться. Я буду спокойна. Буду еще больше работать. И жилье себе найду и проживу прекрасно. Я даже алиментов с тебя не возьму. Куда мне... Я зарабатываю много больше твоего.

Трофима трясло. Он стоял, упираясь вытянутой рукой о стену. Глаза его помутнели и запали в глазницы. Колючая небритость резче выступала на бледном лице. Все кончено. Нет больше жены. Она уйдет. С тем, с другим, будет еще свежее, привлекательней... Расскажет всем, что Трофим ревнив, тяжел характером, и за него не пойдет ни одна молодая колхозница.

— Нашел чем испугать,—киво, пере-
16 силивая страдание, ухмыльнулась Катерина.

... Развестись. И делу конец!

ИВАНОВСКАЯ ЗАПИСНАЯ
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
УЧЕБ. КРАЕВ.

Да тебя, дьявола, разве чем испугаешь.

Пребывание в избе невыносимо, она двинулась к выходу:

Да, не испугаешь. Ничего не боюсь. Сгибаться перед тобой не буду... У меня своя дорога. — Она гордо выпрямилась и шагнула к порогу.

Трофим оторвал руку от стены и ударил ее пониже затылка, под прическу. Она безмолвно рухнула, но через миг пришла в себя, пронзительно закричала и, перебирая руками воздух, стараясь ухватиться за что-нибудь, стала подниматься. Трофим новым ударом свалил ее и стал пинать и топтать ногами. Он урчал над ней перекошенным ртом:

— Живи... одна... прекрасно... покойно... Зарабатывай... больше мужа! Красуйся... веселись.

Он грабил ее. Он отнимал у нее красоту, жизнерадостность, задор, любовь к общему труду, к людям колхоза, он отнимал у нее все, чем она была богаче его.

*

Трофим оставил избитую жену на полу и ушел опять на реку к деду Федору.

Стонь Катерины привлекли внимание соседей. Колхозники тотчас же снарядили повозку и отправили ее в больницу. Больница находилась в двух километрах от деревни, на околице села Краснопеева.

На другой день утром бригадники с луга, не заходя домой, прошли в Краснопеево. Они приставили косы к стене, вошли в больницу и вызвали врача в приемную. Врач увидел группу мужчин и женщин. На него пахло сырой травой и потом. До колен мокрые брюки и платья этих людей были усыпаны лепестками желтых, голубых, красных и лиловых цветов. Врач догадался, что эти люди пришли к нему прямо с покоса, значит, случилось что-то важное.

Встревоженно и поспешно он подошел к ним. Беглым полушопотом, поясняя и дополняя слова друг друга, они просили поскорее вылечить своего бригадира Катерину Капустину. Время наступило самое горячее — сенокос, уборка, бригада по всем показателям соревнуется с другими бригадами, отставать нельзя, без Катерины бригада „завалится“. Надо поскорее вылечить бригадира!

Врач дергал себя за желтый, прожуренный

ус, говорил скупно, устремив глаза в стену, очень хотел, но никак не мог порадовать колхозников обещанием быстро вылечить бригадира. Всем стало тяжело. Врач увидел хмурые лица, у одних придиричвые, у других потупленные взгляды и удивлялся, что им так дорог этот человек. Нельзя отпускать людей с таким настроением. Он сделал веселое лицо, заговорил бодро и задушевно и обещал более или менее быстрое излечение Катерины, на что сам не надеялся. У ее койки он провел половину ночи. Состояние больной тяжелое. У нее были отбиты почки.

Колхозники вышли из больницы, разобрали косы, вскинули их на плечи и двинулись домой. По дороге они ругали Трофима, уверяли друг друга, что Катерина скоро выйдет из больницы—она такая, она не залежится, у нее могучее здоровье, и советовались как теперь быть, кого на время выдвинуть на место Катерины.

Зверский поступок Трофима поразил всех неожиданностью и громадностью вины. Колхозники грудились, обсуждали случившееся. Председатель правления Николай Иванович, неторопливый, коротконогий человек, с широким скуластым лицом и восторженным взглядом сухих карих глаз, в обе-

денный перерыв собрал их на лужайке у
столовки.

Мы теперь работаем, как одна семья, —
говорил он, — нам часто, ну, прямо сказать,
то и дело приходится встречаться, разгово-
ривать, смеяться, радоваться успехам...
И я знаю, — многие колхозники в роде
Трофима берут на подозрение свою жену,
когда она разговаривает, смеется, радуется
с кем-нибудь из мужчин, товарищем по
работе. Это чувство осталось от старой
жизни. Зря косятся и хмурятся... Ничего
тут подозрительного нет. Наоборот — это
надо приветствовать. Женщина стала в кол-
хозе смышленной, бойкой, смелой, и это
надо понять и оценить. Если она прошла
с другим колхозником по пути или куда-ни-
будь по делу, поговорила, пошутила, так не
надо думать, что она заводит шуры-муры.

Колхозники постановили требовать стро-
гого суда над Капустиним. Катерина лежала
в больнице, здоровье ее не улучшалось. Кол-
хозницы носили ей пироги, молоко, яйца.
Наказывали ей: — Выздоровливай.

Васильковый цвет ее глаз поблекнул, на
щеках вместо румянца появился какой-то
желтоватый оттенок. Пересиливая себя, она
старалась держаться бодро, обо всем рас-

спрашивала, внимательно выслушивала новости, подконец спрашивала:

— Ну, как мой Вовка?

— Все так же... Здоровый, растет.

С бодрящей, задушевной строгостью колхозницы говорили на прощанье:

— Смотри, Катя, не подкачай.

— Вовку принесите.

— Да не беспокойся, — ему хорошо.

— Я хоть гляну на него.

Колхозницы заходили к ней и поодиночке и группами.

Ее радовало это внимание, она охотно принимала гостинцы, обещала все, все съесть и посылала большие приветы всем, всем, кого помнила.

Катерина никогда не упоминала имени мужа, а когда колхозницы заговаривали о нем, переводила разговор на другое. Она как бы старалась забыть все, отчего и как это произошло.

При всей твердости и живости характера она была кротка и незлопамятна.

Заведующая яслями приносила Вовку. Катерина целовала его в голову, говорила с ним, голос ее тогда напоминал голубиное воркование, а лицо ее дышало прежней свойственной ему живостью. Здоровье ее не улуч-

шалось, но она не допускала мысли о смерти. Она жила мечтой о том дне, когда ее отпустят от любимого труда, к Вовке, к людям холмоза, дорогим ее сердцу.

От не чувствуя себя виноватой — ну, ни в чем ни в чем же... она сохранила прямой смелый взгляд и спокойствие в душе, — оттого всем верилось в ее выздоровление. Ей вспомнились годы замужества, отравленного чувством придавленности из-за подозрительности и придирок Трофима. Она скрывала это чувство, старалась вырвать из сердца, но оно было. Теперь, конечно, Трофим охвачен чувством глубокого раскаяния и вот-вот явится с повинной и будет просить ее о том, чтобы опять жить вместе. Так временами казалось ей. Что ж, пусть приходит. Но она не изменит своему слову. Она скажет то же самое, что сказала в последний вечер. Кончено! Она будет жить одна.

Потом кто-то из навещавших между слов упомянул, что Трофима „забрали“, что его поступком все возмущены, требуют строгого суда над ним. Один раз приходил к ней дед Федор. Он долго ходил взад и вперед за полисадом, до того долго, что Катерина устала за ним следить и легла. Он так, видимо, и не решился зайти к ней. Когда

она отлежалась и вновь подошла к окну, его высокая сгорбленная фигура мелькала далеко в поле. Через луга и пажити он уходил к реке.

Есть же такие люди, — вздохнула Катерина, — себялюбивые, замкнутые, мнительные... И их не только ведь, что Капустины, отец и сынок, их много“.

Катерина томилась этим бесконечным покоем и полным отдыхом больничной палаты. Она часто подходила к открытому окну и смотрела на коньки изб родной деревни, на поля доспевающей ржи, на пышную зелень перелесков. Ловила взглядом далекие дымки тракторов, прислушивалась к веселым песням загорелых горластых комсомолок. Совсем недавно она пела с ними. Катерина шепотком повторяла слова песни.

Гостинцы она раздавала детям и сиделкам. В больнице ее все любили и она здесь полюбила всех.

Матери у Катерины давно уже не было. Отец, старый партизан, работал в колхозе объездчиком. Вначале он редко посещал Катерину, думал, что она скоро поправится, но потом вдруг сильно встревожился. Предчувствие подсказало ему, что с дочерью что-то неладное, и он зачастил к ней.

Старик горевал и старался осмыслить случившееся на него бедствие.

— Не понимаю, что у вас с Трошкой вышло? — осторожно спрашивал он.

— Сама не знаю, с чего это он на меня набросился.

— Так что же это он зверюга! — возмущался старик, скрипя зубами.

— Я перед ним не виновата.

Он испытующе глядел в осунувшееся желтое лицо любимой дочери. Она была знатным человеком колхоза, она была его гордостью.

Старик-отец уходил утоптанной полевой стежкой к деревне. Дочь подходила к окну и провожала его влажным взглядом. Оранжевые шмели сналета ударялись о подоконник и недовольно улетали обратно. Стрижи состязались между собой в резвости.

Самым тяжелым временем для Катерины была ночь. Темнота казалась ей теперь пугающей и зловещей. Она подолгу стояла у окна, как бы стараясь запасть на ночь животворящей силой полей.

Ветер стих и поля охватил тихий сон. Стайки детей и подростков пересекают поле. Они возвращаются из леса с грибами.

Чистая умирительная вечерняя тишина трогает сердце.

Катерина устремляет взгляд на деревню. Очертания деревни постепенно стираются, кажется, что она погружается на дно вечера.

Из труб поднимаются дымки тонкие, немощные и кривые; они опутывают крыши, точно повилика. Это колхозники, возвратившись с поля, жарят на шестках грибы, принесенные ребятами.

В избах сейчас пахнет грибами, ароматом лесных ягод и хвойного леса.

Приходит ночь. В деревне зажигают два фонаря — один у конюшни, другой у пожарного депо.

Посетил Катерину и Сосипатр Улькин, инспектор по качеству. Он знал, что каждое слово его имеет вес. Чтобы ни одно слово не было зряшным, пустым, он говорил мало, но обстоятельно, медленно, толково.

— Так что, сейчас обошел все поля.

Помолчал, погладил длинную белую бороду.

— Думаю себе — заверну в больницу — повидаюсь с Катериной. Вот. Давно уж не видались.

Бахрома его черных ресниц, резко выделяющихся на фоне седых бровей, поднялась вверх. Он посмотрел на Катерину широко открытыми глазами пристально и озабоченно:

Лицо ее подурнело. Ца. Ц-ца... Не того... Плоховато.

Поправляешься ли? Вот жнитво на этих днях начнем. На твоих участках зерно подходит к восковой зрелости. Так что, твоя бригада начнет уборку первой.

Катерина отвернулась, чтобы скрыть слезу. Сосипатр никак этого не ожидал. Он пришел осчастливить, принес такую важную новость, говорил радостные слова, а тут на вот тебе — слеза. Ну, уж если так, стало быть жди худа.

Он пощупал тюфяк. Тюфяк набит свежим сеном. Правильно. Потрогал за спинку койку. Не скрипит. Не качается. Шаркнул пальцем по подоконнику, поднес палец к глазам. Пыли нет. Чисто. Порядок есть. Это ему очень понравилось. Он оживился и заговорил без нарочитой медлительности и остановок:

— Я бывало ногу порубил. Четыре пальца чуть не напроць. Собрали мне по чуланам паутины. Приложил ее к ране — паутина кровь останаливает, завязал портянкой. Зажило! А в такой-то, Катя, больнице, да не поправиться... Чистота да наука всяку боль... Катя!

Он подал широкую, шершавую, как кусок 27

толстой необструганной доски, руку и вышел тихо, бесшумно.

*

Был вечер, теплый, шелестящий, пахнувший спелыми хлебами. Деревья шумели тихо, точно шептались по секрету. Катерина стояла у окна. Проводила взглядом колхозников, уезжавших на покой, и стадо колхоза, возвращавшееся на ферму. За деревней полыхала огромным пожарищем заря.

Над золотыми пажитями, над скошенными лугами с остроконечными шапками стогов плыли облака с огнистыми пылающими краями, обращенными к заре.

В деревне, у дома правления ударили несколько раз в колокол. „Собрание созывают по поводу уборки, — мелькнуло у нее в голове, — завтра начинают уборочную“.

Колхозники сейчас, — представила себе Катерина, — важно и неторопливо идут на собрание. Ей надо быть там. Завтра ее бригада первой начинает уборку. Ее охватила тревога и нетерпение. Рассудок помутился. Она жадно втянула воздух, пропитанный запахом сосен и спелой нивы, и торопливо пошла к двери, придерживаясь за спинки кроватей.

Ее остановили в коридоре, отвели в палату и уложили на койку. Она жалобно спросила, почему ее не пускают на собрание.

— Не надо волноваться, — говорил врач, — лежите спокойно. Кого вы хотите видеть? Они сейчас все придут сюда. — Он послал сиделку в колхоз. Катерина не дождалась своих друзей. Они уже шли полем, очень спешили, но смерть опередила их.

В последнюю минуту она крикнула:

— Вовка! В-о-о ввв...

*

На похороны правление пригласило оркестр с фабрики „Знамя труда“. И вот по широкой пыльной дороге к селу Краснопееву тянется длинная процессия. По краям дороги рожь и пшеница стоит, низко склонив колосья. Печально и громко играет оркестр.

Ветер, завывая и свистя, налетает на процессию. Ветер вздымает волосы на головах людей, толкает в спины.

Женщины и девушки останавливаются и прихлопывают руками вздувающиеся платья. Ветер принес грозное облако, похожее на тучное поле заколосившегося темносинего овса. Туча пролилась редким, крупным дождем, будто всплакнула сама природа. 29

Туча ушла, бледнея и расплываясь, уступив власть над полями жгучему, яркому солнцу.

Резко запахло медовьем клевера. Листва в каплях дождя стала блистающей, зеленой. В окружении этого великолепия природы смерть казалась чудовищным беззаконием.

Николай Иванович, председатель колхоза, на могиле сказал несколько слов о том, что в душе многих колхозников еще с подкольной хитростью и затаенностью живет жадный собственник, который видит в женщине только самку или живую вещь.

Ветер тихо пробирается сквозь густую листву вековых кладбищенских берез. Над толпой, чуть не касаясь голов, беспокойно носится, отчаянно чирикающая, маленькая птичка.

— Она была ни в чем не повинна, — продолжал председатель, — и напрасно Трофим ее заподозрил. Она любила колхозный труд и, работая, радовалась; она считала колхозников задушевными друзьями и со всеми была разговорчива и улыбчива, а Трофиму думалось и нивесть что...

Солнце жгло стриженую голову председателя. Он провел рукой по горячему ершику и невольно поглядел на солнце.

И вдруг опечаленное, простое скуластое 30 лицо его оживилось;

Прислонившись к березе, рыдал дед Федор.

— Возьмем, к примеру, солнце!

— Он вскинул руку.

— Солнышко всегда светит, оно всегда сияет. Так и Катерина никогда не хмурилась. Она любила нашу новую хорошую жизнь, ее мы никогда не видели угрюмой. Она хотела все знать, все видеть, а Трофим жил притаившись, узенькой жизнью. Он сердился а она не могла не радоваться, не могла не улыбаться. Душа у нее была светлая... Трофим понимал все это по-другому. В душе его копошились старые, грязные чувства и он дошел до преступления. Мы сказали о нем свое слово... Он понесет заслуженную кару... Но Катерины уже не вернешь. Обидно и горько... Спи, дорогой наш товарищ...

Мужчины переступили с ноги на ногу, многие женщины заплакали. Музыканты подняли хобота труб. В поля уносилась музыка расставания и скорби, ущемляя сердца.

Когда гроб опускали в могилу, где-то недалеко раздался сиплый квохчущий плач. Все оглянулись. Прислонившись к березе, рыдал дед Федор.

Колхозники, плотным кругом обступив могилу, бросали землю горстями. Они прощались, роняя в могилу горсти земли. Земля шуршала, как листва.

ИВАНОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
ПЕЧАТНАЯ БИБЛИОТЕКА

УДЕЛ КРАЕВОЙ

Читано и Выпущено
ОПЕЧАТОК
Отз. за выд.

В книге
Техник. машин.
26/7-75, ред. Прох

Редактор Д. Г. Прокофьев. Техни-
ческий редактор В. П. Федоров. Коррек-
тор А. С. Солодова.

Обложка и рисунки худ. Ф. Г. Прес-
носа.

Сдано в набор 4/IX 1935 г. Подпи-
сано к печати 9/X 1935 г. Формат
62×94/32. Тираж 10000 экз. Бум. л. 1;
Печ. л. 1. Учетно-авт. л. 0,9 В бум.
л. 73472 экз. Инд. X—16. Изд. № 943.
Уполн. Ивобллита 841.

Типография издательства Иванов-
ского обкома ВКП(б). Иваново,
Типографская, 4. Заказ № 4694

30 коп

Читано и Выпущу
ОПЕЧАТОК Н. Е. Т
Отв. за Выпуск

